

В.П.ЕРШОВ

**ПЛАЧ ОБ УТРАЧЕННОМ ВРЕМЕНИ
(МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В СЮЖЕТЕ ИКОНЫ
“АРХАНГЕЛ МИХАИЛ — ВОЕВОДА”)**

Мы продолжаем анализ старообрядческой иконы “Архангел Михаил — воевода” (1). Напомню, в центре иконы огнеликий и крылатый всадник — архангел Михаил на красном коне (тоже крылатом) поражает копьём Сатану — антихриста с тремя человеческими личинами, распластавшегося у стен разрушенного подземного города.

Эсхатология “Апокалипсиса” была отправной точкой для иконописца. В этом первом христианском произведении прописаны все основные образы нашей иконы: ангел, сходящий с небес, лицо которого как Солнце, а над головой радуга, с книгой в руках (X: 1—2), небесный Престол с Агнцем (VII: 9—11; 17; XX: 17; XXI: 3—5; XXII: 3); Зверь, дракон древний, Змей (XI: 7; XII: 3—4; 7,12,7; XIII: 1—3, 11; XVII: 7—13; XIX: 19—20; XX: 1—3, 10); война архангела Михаила с Драконом (XII: 7—9); город Вавилон крепкий, великая блудница, и его гибель (XIV: 8, 19; XVIII: 2,10,16—19, 21).

Старообрядцы активно разрабатывали концепцию конца света, она была для них актуальна; испытав на себе все ужасы гонений и мучений, они не сомневались, что Антихрист уже пришёл на землю (2). Текст “Откровения” давал старообрядцам блестящую возможность обличать власть Антихриста и напоминать о возмездии. Литературно-религиозные образы “Откровения” легко трансформировались в живописные. Икона — мощное средство пропаганды религиозного учения. Богословие учит, что икона — это вероучительный текст, призванный помочь в постижении истины, в котором “невидимое и труднопостигаемое передаются посредством зримого и доступного”(И.Дамаскин) (3). Икона — наглядное богословие, в котором участвуют теологи и художники, художнику в этом процессе оставляли право воплощать замы-

сел в материале (4). При относительной свободе (5) художники-иконописцы часто создавали произведения, в которых языческая стихия захлёстывала христианскую идею, заглушала её или сосуществовала с ней. Автор учебного пособия “Богословие иконы” И.К.Языкова отметила это обстоятельство: “широкое распространение иконописных изображений в народе было не только школой веры, но и той почвой, на которой не окрепшее в вере сознание невольно провоцировалось своим языческим прошлым” (6). Богословская мысль, переведённая в чувственные образы иконы, нередко фольклоризировалась, обрастала элементами, чуждыми ей в принципе (7). Этот пласт “грубого магизма полуязыческой народной веры” (8) хорошо прослеживается в сюжете анализируемой иконы. Тем более, что в самом “Откровении” мы видим явные следы языческого, точнее — мифологического прошлого. Рассмотрим его.

Итак, на Земле — власть Антихриста. Но тайновидец Иоанн знает, что **ЭТО ВРЕМЯ ПРОЙДЁТ**, Сатана — Антихрист будет побеждён, скован и брошен в бездну на тысячу лет. Наступит **НОВОЕ ВРЕМЯ** — тысячелетнее царство справедливости и возмездия. Это время отнюдь не продолжение старого. Старое время отменяется, вместе с ним уходят гонения, страдания, смерть, страх. В **НОВОМ ВРЕМЕНИ** правит закон первого воскрешения, по которому смерть отменяется для пострадавших за Христа. Но и это **ВРЕМЯ** отменяется через 1000 лет: “Когда же окончится тысяча лет, Сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы”(XX: 7). Как в старые, добрые, архаичные времена “Апокалипсис” легко отменяет и возрождает время. Вновь возвращается время Антихриста “на малое время”. Вновь повторяется обольщение народов “на четырех углах Земли”, вновь собирается воинство сатанинское на брань с верными Богу. Но время это непродолжительно, Бог снова его отменяет: “нисшел огонь с неба от Бога и пожрал их”(XX: 9). Наступает “**НОВОЕ** (подчёркнуто мною. — В.Е.) небо и новая земля, ибо прежнее небо и прежняя земля **МИНОВАЛИ** (подчёркнуто мною. — В.Е.)”. (XXI: 1). В этом **НОВОМ ВРЕМЕНИ** “ничего уже не будет проклятого” (XXII: 3). “И ночи не будет там, и не будет иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их (улицы нового Города. — В.Е.) (XXII: 5).

Как видим, “Откровение” свободно отменяет одно время и возрождает другое, новое. Нечто подобное мы уже знаем. Это концепция отмены времени и истории архаической традиции (9). По М.Элиаде, человек традиционных цивилизаций (архаический человек), живший в мифические времена (во время ОНО), свободно мог отменять своё время и историю, своё прошлое, несчастья, ошибки, страдания; каждый раз он творил свою историю заново — с каждым новым годом, новым вождём. Он был участником вечного повторения главного ритма Космоса — его периодического разрушения и воссоздания. Время повторялось, как повторялась природа в вечном цикле обновления: зима, весна, лето, осень. Человек был творцом, демиургом своего времени, что открывало ему возможность начинать историю с чистого листа. “Время периодически кончается, чтобы возвратиться к своим истокам. Почерпнуть в них новые силы и начаться сначала” (10). История архаического человека — это повторение акта творения Космоса из Хаоса. Древний змееборческий миф о создании мира из первоначального Хаоса повествует нам о борьбе героя-творца с чудовищем Змеем-драконом (Тиамат, Рахаб), из плоти которых строится Космос. Этот мифологический сюжет творения мира стал архетипом, по которому человек научился творить свою историю (свой космос). Он интересен нам для понимания сюжета нашей иконы, где небесный всадник — Михаил борется со змеем. Этот всадник оттуда — из времени ОНОго.

Но христианство ушло от космического времени. Оно узаконило профанное время и историю, придало ей “конечную цель и потусторонний смысл” (от греха к спасению), лишило человека способности творить историю заново. И тем самым взвалило на его плечи всю тяжесть ответственности за историю. Её непоправимость и уникальность повергли его в безысходное отчаяние, с которым человеческая психика самостоятельно справиться не может. Но и победить полностью в сознании (точнее, в подсознании) человека космогонический миф о вечном возвращении времени христианству не удалось. Как воспоминание над временем и историей читается текст “Откровения” и воспринимается сюжет нашей иконы. Это ещё одна слабая попытка вырваться из потока времени, едва слышное эхо древней традиции. Борьба с Сатаной (змеем, драконом) есть не что иное, как древний ритуал отмены

старого и возрождения нового времени. Это отражение космических процессов — в земных. Не случайно, в X главе “Откровения” отмена времени прямо связывается с актом творения: “И Ангел клялся Живущим во веки веков, Который сотворил небо и все, что на нем, землю и все, что на ней, и море, и все, что в нем, что времени уже не будет” (X: 5—6).

Важно отметить, что отмена и возрождение времени в “Откровении” происходят не в действительности, как это мыслилось в рамках мифологической традиции, а как бы гипотетически, в откровении Тайновидцу. Архаическое время (циклическое), с которым так вольно обращался человек (отменял через ритуал) — ушло. Можно предположить, что это первое христианское произведение призвано было если не снять, то хотя бы смягчить страх человека перед историей, которую он уже сотворил, воссоздал, пережил и лишь в смутных видениях мечтал об исправлении её, чтобы начать свою историю сначала.

Если раньше это было возможно для человека, то в христианстве это может сделать только Бог. Бог обладает могуществом, чтобы победить сатану (время) и природные законы.

Но здесь философия выводит нас на новую категорию религиозного опыта — ВЕРУ. Ей в “Откровении” отведено центральное место. Она делает человека соучастником Бога. К нему — человеку — обращается Он: “Блаженны, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами” (XXII: 14). “Потому говорю вам: все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите” (Марк. XII: 22).

“Вера означает полное освобождение от каких бы то ни было природных законов”, — пишет М.Элиаде, — а следовательно, наивысшую свободу, какую только может вообразить человек: свободу влиять на сам онтологический статус Вселенной” (11).

Вера, по Элиаде, — это новая “формула соучастия человека в творении, но также и единственная с того времени, как был превзойдён традиционный уровень архетипов и повторений” (12).

Другими словами, христианство, отказавшись от циклического времени, предложило другой путь защиты человека от ужаса истории — веру, которая берёт начало и находит гарантию и поддержку в Боге. Так на смену циклическому времени пришло “длящееся” время. На смену традиции, отменяющей время, пришли

Бог и вера.

А мифологический змееборческий сюжет находит своё продолжение в иконографической образной системе змееборцев: арх. Михаил, св. великомученик Георгий, св. великомученик Дмитрий, Федор Стратилат, Федор Тирон.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ершов В.П. Пчелиный рой на старообрядческой иконе "Архангел Михаил—воевода" // Старообрядчество: История. Культура. Современность: Материалы. М., 1998. С.250—251; он же. Труба — один из атрибутов всадника на старообрядческой иконе "Архангел Михаил — воевода" // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып.8. М., 2000. С.68—72.

2. Квасникова С.М. Эсхатологическое учение первых вождей старообрядчества // Старообрядчество: История. Культура. Современность: Тезисы. Москва, 1997. С.36—38.

3. Языкова И.К. Богословие иконы. М., 1995. С.15.

4. Там же.

5. Там же.

6. Там же. С.51.

7. Там же. С.50.

8. Там же. С.52.

9. Элиаде М. Космос и история. М., 1987.

10. Там же. С.18.

11. Там же. С.142—143.

12. Там же. С.143.